

Секция 1
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Е.В. Ананевич

*УО «Белорусский государственный экономический университет»
(Республика Беларусь, Минск)*

**BLOCKCHAINS ТЕХНОЛОГИИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ДЕЙСТВИЯ LEX VOLUNTATIS
В КОРПОРАТИВНОЙ СФЕРЕ**

Принцип *lex voluntatis* является отправным пунктом в процессе принятия решения о выборе права, применимого к трансграничным частным отношениям. С методологической точки зрения понимание данного исходного начала коллизионного права, как в целом и всей классической концептуальной матрицы международного частного права, имеет в своей основе институты государства, территории и права (как национальной правовой системы (правопорядка)).

Сегодня содержательные и методологические параметры действия института *lex voluntatis* претерпевают существенные изменения. Так, под влиянием тенденции материализации коллизионного права, при разрешении коллизионной проблемы считается возможным учитывать содержание материально-правового регулирования и материально-правовой результат разрешения конкретного спора. В контексте *lex voluntatis* указанное предопределяет возможность признания его (данного принципа) теснейшей взаимосвязи и единства с диспозитивным началом регулирования частных отношений в гражданском праве. В рамках же все большего распространения действия автономии воли в международном частном праве на различные группы частных отношений (права потребителей, деликтные обязательства, конкуренция и др.) особый интерес представляет проблематика возможности действия *lex voluntatis* в сфере корпоративного права, в особенности в контексте соглашений участников и соглашений, опосредующих прямо или косвенно трансферт пакета акций

(долей в уставном капитале) (купля-продажа, залог, дарение и т.п.). Влияние глобализационных процессов также существенно трансформирует функционирование принципа автономии воли в трансграничном контексте: содержательные параметры данного правового начала теперь во многом определяются свободой рынка и движения капитала в едином экономическом пространстве, а также концепцией прав человека. Методологические же приемы выбора правовых норм базируются на применении механизмов пропорциональности (proportionality) и взаимного признания (mutual recognition), а принцип *lex voluntatis* теряет свою управомачивающую природу и становится инструментом не выбора применимого правопорядка, а инструментом для конкуренции таковых.

Одним из серьезных вызовов, на который должна дать ответ правовая наука и практика, является влияние последствий информационно-технологического прогресса, а именно активное внедрение таких явлений как «добавленная реальность», криптовалюты, «умные контракты», «децентрализованные автономные организации» и иные инновационные технологии, основанные на блокчейн-системах. Технология «умных контрактов» может стать основой для рационализации и автоматизации, в том числе, отношений связанных с функционированием корпоративных образований. Так уже разрабатываются «пилотные» проекты по формализации через программную среду отношений, возникающих в рамках корпоративных соглашений. Макет блокчейн-технологий может применяться для передачи правового титула на определенный актив (например, пакет акций при продаже, как через фондовую биржу, так и в частном порядке). «Умные контракты» представляют собой базирующийся на блокчейн-системе программный код, формализующий условия соглашения на основе принципов автономности, анонимности, самоисполнимости.

Применение таких цифровых систем, например, позволяет в режиме реального времени контролировать вопросы совершения операций (сделок) с акциями, повышает прозрачность таких сделок, принципиальным образом сказывается на ликвидности акций (в сторону увеличения), приводит к перестраиванию существующих правовых стандартов организации и проведения голосования акционеров, существенно трансформирует сложившиеся подходы к требованиям об обязательном раскрытии информации и др. Использование указанных инновационных механизмов в значительной степени меняет весь правовой ландшафт в корпоративной сфере; глубоко изменяет сложившееся распределение сил между

органами управления, участниками корпоративного образования и третьими лицами (например, инвесторами, кредиторами и т.п.).

Вместе с тем, строгая, граничащая с математической, рационализация процесса взаимодействия участников корпоративного образования имеет своим следствием серьезное переформатирование содержательных и методологических аспектов функционирования принципа автономии воли как на уровне материально-правового регулирования (корпоративного права), так и коллизионного права. В первом случае влияние волевого аспекта поведения существенно ограничивается в силу самого характера применяемой технологии: децентрализованный, автономный, самоисполнимый и автоматизированный характер предопределяет минимизацию человеческой воли в контексте совершаемых действий и принимаемых решений.

Применительно к международному частному праву изменения правового характера становятся ещё более глобальными. Упомянутая классическая парадигма коллизионного права, территориально и государственно связанного, в принципе вызывает сомнение с точки зрения возможности его безусловного применения: насколько, вообще, возможно вести речь о разрешении коллизионного выбора применимого права, в том числе на базе *lex voluntatis*, когда, в принципе большая часть, если не все, взаимодействия осуществляются не на основе классического понимания правом института воли, вне территориальных и государственных границ, национальных правопорядков, а в «виртуальной реальности» автоматизированной системы, и самой этой системой.

Безусловно, нивелирование и отказ от классического института коллизионного права – принципа *lex voluntatis*, – в данном случае, а также если не угасание, то точно определенный намечающийся кризис концептуальной парадигмы современного международного частного права, могут быть преодолены в том случае, если правовая наука и практика своевременно найдет возможные пути адаптации сложившихся коллизионных стандартов и методологических приемов разрешения возникающих правовых противоречий. При этом, необходимо учитывать, что понимание и обоснование правовой природы таких явлений как «умные контракты», «децентрализованные автономные организации» и другое должно основываться не на признании программного кода, лежащего в их основе, в качестве самостоятельного уникального свода «квазиправовых» правил, автономно или параллельно существующих с территориально связанными национальными правовыми системами.